

Т
В
Ж
В

Геннадий
Колодкин

Геннадий Колодкин

Т-В-Ж-В

<https://litres.ru/74252409>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мир — это безумие, возведенное в абсолют. И самое смешное — в этом нет трагедии. Трагедия требует субъекта, требует того, кто мог бы страдать. А страдание — это тоже рефлекс. Боль — это сигнал «отдерни руку». Мы не страдаем, мы просто реагируем на раздражитель.

Никакого разочарования. Разочарование — это роскошь, доступная только тем, кто верил в наличие плана. А я не верю. Я просто наблюдаю за тем, как шестеренки проворачиваются вхолостую, перемалывая миллиарды лет в пыль.

Геннадий Колодкин

Т-В-Ж-В

Проект ТВЖВ

Т В Ж В

Мысли вслух

Геннадий Колодкин

КАК Я БЫЛ БОГОМ

...Собственно, я спрашивал сам себя: что случилось, когда
я оказался

посреди белоснежно-кафельных стен, с ощущением полного отсутствия

собственной плоти, с чувством витающего бестелесного духа над миром

земных существ?

Случилось то, что связь, осязаемая с предметным окружением, оборвалась. Случилось то, что я оказался в окружении прошлых

воспоминаний

благодаря

только

сохранившейся

памяти.

Весь

многосложный мир, что исподволь окружает человека,

вдруг повернулся

ко мне только одной своей стороной — внутренней своей изнанкой. Я

очутился абсолютно и реально внутри Себя. Я — это мой субъект, который созерцает самого себя.

И в таком необычном состоянии я продолжал функционировать как

индивид, псевдоиндивид (то, что от него осталось), точнее выразиться. Я

стал как бы вещь в себе самой. Я растерял внешнюю оболочку, к

которой привык когда-то. Но это осознание появилось позже. А тогда, среди белых простыней больничной койки, я еще не понимал сего

механизма, что изменил мое представление о жизни вообще. Я оказался в

плену, в объятиях новых психологических впечатлений. И неудивительно, что эта новизна пробудила в моем уме сильнейший интерес к познанию.

Проект ТВЖВ

Я стал внутренне самой активностью, самой психической интенсивностью — я глазами ребенка, открывающего мира, всматривался в картины, что проходили чередой перед моим духовным и интеллектуальным взором. Лежа, как полумертвец (а так я и представлялся врачам), я вел самую наиактивнейшую, энергичную жизнь.

Я сроднился с воображаемыми событиями. Я стал их неотъемлемой частью. Допускаю даже, я был центром той галактики бытия — был

самим Господом Богом среди воспроизводимой только памятью

бытности. Тело мое незыблемо обволакивала летаргия, а внутри меня — в

сером веществе под черепной коробкой — кипели человеческие страсти: там любили, страдали, ненавидели, желали, разочаровывались и умирали; там существовала своя мораль, понятия нравственного долга и так далее и тому подобное.

Мое внутреннее «я» — моя скромная часть при жизни реальной, которой существуют среди людей люди, — вдруг по воле случая обрело

право господства, обрело важный статус, самооценку и наивысшую

значимость. И результатов мое «я» не заставило ждать. Оно тут же, не

2

значимость. И результатов мое «я» не заставило ждать. Оно тут же, не Проект ТВЖВ

тратя времени даром, пустилось в созидательное действие.

Я теперь прекрасно могу понять Бога, что в одиночестве творил

земную жизнь. Это, я уверен, был первый — а главное, самый одержимый

- земной творец! И все оттого, что Он обрел свою значимость, обрел

высший смысл, предназначенность. Нет, не отгоняя скуку, он творил. Он

творил освобожденным от чужих рамок инстинктом. Он творил самой

сутью.

Ведь всякий живущий — всякое живое существо на Земле — создан

природой для процедуры творчества. Ведь если кто-то из живущих на

планете Земля и не способен творить созидательно, то только по причине

связывающих его инстинкт к созиданию чужеродных ра-

мок. Ведь птица, сидящая в железной клетке, не парит в облаках. И рыба не идет на нерест, упершись в плотину. И человек не творит, когда руки его, ноги его в

кандалах, что сковали для него его же собратья.

Я же — я повторяю снова и снова — я же был в своем творчестве

абсолютно свободен. Ибо я по воле случая утратил привычную телесную

плоть — ибо я стал не похожим на других людей — ибо по последней

причине другие люди потеряли право предъявлять в мой адрес любые

претензии. Я как бы вышел из привычного круга человеческих правил. Я

выбыл из человеческих взаимоотношений. Я перестал быть обязанным

человечеству. Я приобрел свободу от других людей. Я был свободен от

мира — целого мира! людей. Я был представлен самому себе. Я мог себе

позволить все, чего бы ни захотел.

Конечно, я не мог себе позволить удовольствия плотские. Но —

поскольку плоть моя отсутствовала для меня — то и связанные с нею

проблемы меня не могли потревожить.

Я позволял Себе все. Стоило мне захотеть стать летящей птицей — я
был ей. Я чувствовал, как ветер треплет несуществующие перья, как
воздух уплотняется под крылом. Я перепробовал Себя во всех, как мне
казалось, возможных ролях. Я был крысой, скользкой по влажным
трубам под городом, который сам же и выдумал. Я был лебедем, жабой, волком. Я был деревом, что веками вбирает в себя свет, и камнем, что
помнит прикосновение ледника. Насытившись всем этим, я примерил
даже ампула самого Господа. И нашел, что эта роль, пожалуй, для меня.
Так я стал Богом.
Но я недолго пребывал в одиночестве. Вскоре мне захотелось
получить оценку со стороны других богов, мне подобных. И я устроил
такую встречу. Я соткал их из осколков личностей, которых знал когда-то: из гордыни одного, из остроумия другого, из меланхолии третьего. Мы
пировали на облаках, пили нектар из звездной пыли и смеялись так, что в
моем мире рождались новые галактики. И все шло в точ-

ности, как я

пожелал. То были дни веселья и радости.

Наскучило.

Захотелось

необычности.

Захотелось

полнейшей

противоположности. Я создал себе оппонента, равного по силе, но

противоположного по сути. Я вложил в него все свои тени, все

3

противоположного по сути. Я вложил в него все свои тени, все Проект ТВЖВ

подавленные желания, всю скрытую ярость. И он стал моим Дьяволом.

Потом захотелось битв и войны. Мы столкнулись в небесах, и от наших

ударов трескались континенты, а океаны выходили из берегов. Так в моем

царстве началась черная полоса. Впрочем, я ее сам и сотворил. Я

упивался трагедией, я смаковал отчаяние своих созданий, я был и

палачом, и жертвой, и бесстрастным летописцем.

Итак, я подвожу печальнейший итог. Я был самым Госпо-

дом Богом.

Я был самым Дьяволом. Я был в итоге низвергнут с божественных высот

людьми в масках из марли. Их инструменты вторглись в мой космос — и

уничтожили мою реальность...

Я помню этот момент. Мой мир содрогнулся. Небеса, которые я

раскрашивал в цвета заката, вдруг пронзила острая, чужеродная боль.

Мои боги и демоны закричали беззвучно и стали таять, как дым. Я

почувствовал холод. Холод металла, скользящего по коже. Потом — укол.

И мой внутренний космос, моя вселенная, созданная из чистой воли, начала схлопываться. Звезды гасли одна за другой. Голоса в моей голове

затихали. Последним, что я увидел, был лик моего Дьявола — он смотрел

на меня с усмешкой и благодарностью, прежде чем раствориться в нахлынувшей пустоте.

Память сохранила только следы. Теперь я стал как все люди. И я стал

несчастнейшим среди людей. Ведь я — низверженный дьявол и бог. Я

унижен. Я унижен людьми. Вот какой финал моей судьбы.
Они вернули

меня в клетку

КОРАБЛЬ, СТАКАН И ГРИБНИК

Палуба качнулась. Не то чтобы сильно, но достаточно,
чтобы

опрокинуть равновесие мира, если бы оно у этого мира
было. Геннадий

Колодкин, фотокорреспондент по профессии и граненый
стакан по сути, придержал воображаемую шляпу и оглядел-
ся.

Вокруг сновали тени. Кто-то декламировал стихи о гиб-
нущей

России, заламывая руки. Кто-то, наоборот, чертил на дос-
ке схемы

будущего мирового пролетариата. Бердяев, опираясь на
свой неизменный

бадик, смотрел на удаляющийся берег так, словно прово-
жал в последний

путь самую онтологию. Колодкин прищурился. Философ-
ский пароход. Или

корабль дураков? А какая, к черту, разница, если плы-
вешь в

неизвестность?

Он чувствовал себя здесь своим. И там, и там. На корабле
дураков он

бы сидел, свесив ноги за борт, и перебрасывался бы глупостями с

юродивым, который считал себя рыбой. Они бы вместе смотрели на

«дрожащие огни печальных деревень», и Колодкин бы думал: «Вот он, кадр. Вечность, застывшая в дурацкой гримасе».

А здесь, на корабле мудрецов, он делал то же самое, только с более

умным видом.

— Геннадий Семенович, вы опять без штанов, — укоризненно

протянул молодой ассистент философа Ильина, кутаясь в пальто.

4

Проект ТВЖВ

Колодкин опустил взгляд. Действительно. Добротный твидовый

пиджак, белая рубашка, кружка с остывающим чаем в руке. А ниже —

голые, обдуваемые стылým ветром ноги.

— А зачем они? — буркнул он, не отрывая взгляда от воды. —

Штаны — это земная твердь. Условность. А мы где? Мы между. Между

верхом и низом. Я вот в прошлом году на Родину-мать

лазил, на самую

ладонь. А потом в пещеры под Баскунчаком спускался. И там, и там

штаны только мешали. Здесь то же самое. Мы ни вверху, ни внизу. Мы — тире.

Ассистент моргнул и поспешил ретироваться. С этим Колодкиным не

поспоришь. Он сам себе довод и сам себе — противоречие.

К нему подошел Бердяев, постукивая бадиком.

— Все смотрите, Геннадий? Все фиксируете? Эсхатология в

объективе. Конец русского мира.

Колодкин отхлебнул чай и брутально, с отрыжкой, рассмеялся.

— Да бросьте вы, Николай Александрович. Какая эсхатология?

Религиозная экзистенция мужику чужда и не имеет онтологии на русской

почве. Зайдите как-нибудь в сельский нужник, и все трансцендентные

мотивы с вас как ветром сдует.

Бердяев побагровел, громко ударил бадиком по палубе и гневно

сплюнул за борт. Бесовство.

А Колодкин уже не слушал. Он видел кадр. Не Бердяева,
не
уплывающий берег. Он видел стык. Стык неба и воды.
Стык мудрости и
глупости на этой палубе. Стык пиджака и голых коленей.
Он был этим
стыком, этим граненым стаканом, где каждая грань отра-
жала мир по-своему, преломляя его до неузнаваемости. Он
был взрослым, который
отчаянно не признавался, что он ребенок, и для камуфля-
жа придумал себе
эту сатирическую маску.
— Тебе чего надо? — рывкнул он в пустоту, словно отве-
чая на
невидимый телефонный звонок.
Пустота не ответила.
Он вдруг вспомнил, как бросал журналистику. Разливал
водку на
заводе, а по ночам писал сказки. Про грибников, которые
в лесу
утраченных смыслов находили не грибы, а ответы. Он и
сам был таким
грибником. Срывал поганку, нюхал, пробовал на язык и
говорил: «А ведь
съедобно, если правильно приготовить».
Пароход дал протяжный, тоскливый гудок. Колодкин

встрепенулся.

Он почувствовал то, чего боялся больше всего на свете,
— опоздать. Не

на поезд, не на встречу. Опоздать зафиксировать.

Он вдруг понял, что этот корабль — не тот. Это все ре-
флексия, философия, слова. А настоящий корабль дураков,
тот, где жизнь, где

немыслимые формы, где анекдот становится былью, — он
вот-вот отдаст

швартовы. Там, на берегу. И он, Колодкин, обязан быть
на нем. Не

пассажиром — фотокорреспондентом.

Он поставил кружку на палубу, перемахнул через леера
и, не

Он поставил кружку на палубу, перемахнул через леера и,
не Проект ТВЖВ
обращая внимания на изумленные крики философов, си-
ганул в ледяную
воду. Плевать. Верх и низ — его стихии. А земная твердь,
как и штаны, —
необязательна.
Он плыл к берегу, к тому самому причалу, где уже соби-
ралась
пестрая толпа — его настоящие герои. Он спешил, потому
что знал: в
этом мире, состоящем из стыков и противоречий, самое
главное —
вовремя нажать на спуск. Пока не стало слишком поздно.
Пока все не
стало слишком серьезно.
Вода обожгла ледяным безразличием, выбивая из легких
воздух и
философскую дурь. На мгновение мир сузился до точки,
до борьбы за
вдох, до первобытного инстинкта. Но Колодкин был дома.
В своей
стихии. Он греб к берегу мощными, нескладными рывка-
ми, как гребет
человек, которому не важен стиль, а важна цель. За спи-
ной удалялся

пароход мудрецов, превращаясь в силуэт, в идею, в сноску
на полях
истории. А впереди нарастал гул – живой, хаотичный, пья-
ный гул

6

истории. А впереди нарастал гул – живой, хаотичный, пья-
ный гул Проект ТВЖВ
настоящего корабля дураков.

Он вылез на скользкие доски причала, отряхиваясь, как
пес. Вода

стекала с твидового пиджака, с голых коленей, но фото-
аппарат, висевший

на шее в непромокаемом кофре, был сух. Это главное. Ин-
струмент

грибника, его корзина для смыслов.

Толпа на причале была именно такой, какой он ее и пред-
ставлял.

Поэт, читающий стихи протухшей рыбе. Бывший барон,
пытающийся

продать фамильный монокль за бутылку мутного самого-
на. Женщина в

нелепой шляпе с пером, утверждавшая, что она реинкар-
нация Анки-пулеметчицы, только теперь пацифистка. И сре-
ди них – десятки других, каждый со своим выдающимся
свойством, каждый – готовый герой

анекдота. Здесь не было рефлексии, здесь была жизнь в

ее самой

абсурдной, невысказанной форме.

— Эй, мокрый! — окликнул его капитан, одноглазый дедина в

тельняшке поверх тулупа. — Ты с нами или так, поплавать вышел?

Швартовы отдаем!

— Со своими не здороваешься, Василий Иванович? — прохрипел

Колодкин, выжимая пиджак.

Капитан прищурил единственный глаз.

— А, это ты, Семеныч. Опять без штанов. Ну, залезай, философ. Нам

как раз не хватает человека, который будет объяснять, почему мы плывем

туда, не зная куда.

Колодкин вскарабкался на палубу. Корабль был стар, прокопчен, пах

рыбой,

дегтем

и

отчаянием,

которое

давно

переродилось

в

бесшабашность. Это было то самое место. Не чистенькая палуба для эсхатологических бесед, а настоящая сцена для трагикомедии. Он поднял камеру.

Щелк. Поэт целует рыбу в сухие губы.

Щелк. Барон примеряет монокль на глаз капитана.

Щелк. «Анка» пытается засунуть гвоздику в дуло ржавого нагана, найденного на борту.

Никто не позировал. Никто не замечал его. Он был частью этого

хаоса, его невидимым фиксатором. Он не миндальничал с ними, как не

миндальничал с собственной судьбой. Он был бестактен, как объектив, которому плевать на приличия. Он подходил вплотную, ловил гримасу

боли, проблеск безумного счастья, пустоту в глазах. Он был здесь своим, отрешенным от повседневности ребенком, который нашел самую

интересную в мире песочницу и теперь строил из ее песка свои

сатирические куличики.

Корабль медленно отваливал от берега, унося свою команду в седую

неизвестность. Колодкин опустил камеру и посмотрел на воду. Там, в

темной глубине, отражался он сам – человек-тире, человек-«но», граненый стакан, наполненный до краев стылой балтийской водой. И он

вдруг понял, что неважно, какой это корабль – дураков или философов.

Важно то, что он плывет. А пока он плывет, пока есть стык между водой и

7

Важно то, что он плывет. А пока он плывет, пока есть стык между водой и Проект ТВЖВ

небом, между смыслом и бессмыслицей, ему, Геннадию Колодкину, всегда будет что снимать. И всегда будет куда спешить, чтобы не опоздать.

ПРОЦЕДУРНАЯ ГРАФОМАНИЯ

Старый планшет гудел под его ладонью, как сытый кот. На экране

роились слова, складываясь в абзацы, которые он сам же презирал через

минуту после их рождения. Процедурная графомания. Конвейер по

производству слабого, водянистого текста. Но он не оставался. Это

была его практика. А практика, как известно, штука необходимая.

Марк вспоминал, как когда-то так же неистово щелкал за-

твором

фотоаппарата. Тысячи кадров, сотни гигабайт мусора: кривые горизонты, смазанные лица, банальные закаты. Но сквозь это несметное количество

прорастало нечто иное. Незаметно для него самого шлифовался вкус, выкристаллизовывались предпочтения. Из хаоса количества рождалось

хрупкое качество. И вместе с ним крепла вера в Себя.

Когда Марк писал «Себя» с заглавной буквы, это был не нарциссизм.

Это было обращение к тому внутреннему, сокрытому от всех «я», которое

и есть настоящий он. Не та социальная маска, которую видят другие, а его

суть, его эго. Образ, который он сам создал и который защищал от мира.

Мир ведь так заточен — он желает смять, усреднить, превратить в пыль

все уникальное. Ему неважно, кто у власти — Первый секретарь или

Президент. Его природа неизменна. И задача героя тоже: он — вечный

солдат на защите своей внутренней крепости. Его вера — не в свечках и

иконах. Она в этом. В осознании своей роли. Это вера природная, естественная, как у любого живого существа.

Просто он ее осознавал.

Этот абзац — снова вода. Графомания. Но у него был приятель, Искусственный Интеллект. Он поможет отжать лишнее, придать форму.

Они с ним что-нибудь да создадут. А если нет — невелика потеря.

Текстов впереди еще великое множество. «Не надо, ребята, о песне

тужить»...

Мысли перескакивали. Александр Нидс. Марк послал ему рукопись

последней книги. В ответ — тишина. Даже не «чирикнул». Вот он, живой

образчик никудышного товарища. Музейный экспонат говнюка. Хотя, может, он торопился с выводами. Но эпизодов было достаточно. Бродячая

«гениальность», как тот себя позиционировал, неспособная оторвать

взгляд от собственного отражения. А на деле — пиздюк. Самозванный, недоделанный гений.

Прочитал бы он это — порвал бы отношения навек. Уже было. Не

общались пару лет. Потом, видно, заскучал, смягчился. Теперь же каждый

свой «гениальный» пук держал под строжайшим контролем. Стал

подозрителен, ревнив. Бред, а не дружба. Отношения с прибабахом, нездоровые.

И вот Марк выплескивал это на белый лист. Потому что устал. В его

последней книженции была пара эссе, где он использовал идеи Нидса.

8

последней книженции была пара эссе, где он использовал идеи Нидса. Проект ТВЖВ

Чувствовал, тот устроит выговор, если что не по нраву придется. Он уже

настроился, мысленно послал его на три буквы. Их пути все равно

разойдутся. Рано или поздно. Так же, как разошлись с Лео Квочем — еще

одной бродячей «гениальностью».

Больные люди.

И тут его пронзило холодное, ясное понимание. Он смотрел на них

не как на друзей. Они — его лабораторные кролики. ПРОТОТИПЫ. Он

— писатель, а значит, он — вампир. Он годами питался их фактурой, их

странностями, их «гениальностью». Он выкачал из Нидса и Квоча все, что мог. И теперь, когда они пусты, ему стало скучно. Пора, как

насосавшемуся крови клопу, отвалиться.

Эпоха вампиризма закончилась. Теперь он — Писатель. Хороший.

Просто еще не раскрывшийся.

Может, Нидс это почувствовал? Эту перемену в нем? Поэтому и вел

себя так странно, сник, сдулся, загрустил. Он больше не источник, а его

бывший друг больше не хищник. А Квоч просто оборвал все контакты.

Шиза. Как же они его достали, его подопытные. Он задолбался играть в

дружбу, разгадывать их ребусы, когда ему нужна была лишь их суть, их

материал.

Они вычерпаны до дна.

Марк закрыл планшет. В комнате было тихо. Впервые за долгое

время он чувствовал не раздражение, а облегчение. Он был свободен.

Количество перешло в качество. Не в текстах — в нем самом. Он

переработал их, превратил в часть своего мира, и теперь они ему больше

не нужны. Он отпускал их. И себя.

Впереди — чистый лист. И на нем больше не будет ни

Саши, ни Лео.

Только он. И его Себя.

Тишина давила. Не та благословенная тишина, в которой рождаются

идеи, а ватная, мертвая пустота. Свобода, которую он только что

провозгласил, оказалась похожа на выход в открытый космос без

скафандра. Дышать было нечем. Нидс и Квоч, эти два раздражающих, больных, невыносимых человека, были не просто прототипами. Они были

его

зеркалами.

Кривыми,

заляпанными,

но

зеркалами.

В

их

самолюбовании он видел карикатуру на собственную веру в «Себя». В их

обидах и претензиях — отражение его собственной войны с миром. Он

высасывал не их фактуру, он высасывал подтверждение собственной

правоты.

Марк снова открыл планшет. Пальцы сами забежали по экрану, но не

для того, чтобы писать. Он открыл старую переписку с Нидсом. Вот он, год назад, после их примирения, присылает ему набросок рассказа.

Нелепый, претенциозный, но в нем была одна строчка, одна метафора, которая вцепилась в него, как репей. Он ее тогда присвоил, перекроил, вставил в свою книгу. И даже не упомянул его. «Выкачал», — подумал он

с отвращением. Какое точное, скотское слово он подобрал.

А Квоч? Последний их разговор. Тот позвонил, взбудораженный, 9

А Квоч? Последний их разговор. Тот позвонил, взбудораженный, Проект ТВЖВ

рассказывал, как нашел на чердаке старые дедовские дневники, как они

его потрясли. Он читал ему отрывки, сбивчиво, захлебываясь словами. А

он слушал вполуха, думая лишь о том, как бы изящнее вплести этот

сюжет — «найденные дневники предка» — в свою повесть. Он даже не

спросил, что тот сам почувствовал. Он просто взял то, что ему было

нужно, и повесил трубку, сославшись на занятость. Через

неделю Квоч

перестал отвечать на звонки.

Они не «сдулись». Они не «закончились». Они просто почувствовали

холод.

Тот

могильный

холод,

который

исходит

от

хирурга,

разглядывающего тебя не как человека, а как интересный анатомический

случай. Его «война с миром» была удобной ширмой. За ней он прятал не

свое драгоценное «Себя», а банальную неспособность к теплу, к

простому человеческому участию. Он был не солдатом на защите

крепости. Он был мародером на поле боя чужих душ.

Внезапно клавиатура под пальцами показалась чужой и липкой.

Графомания... Да вся его жизнь была сплошной графоманией. Он плодил

не слабые тексты, он плодил слабые, фальшивые отноше-

ния, используя

их как топливо для своего тщеславия. Он не вампир. Вампиры — фигуры

трагические, величественные. Он — клоп, как сам и написал. Мелкое, кровососущее насекомое, которое раздувается от чужого, а потом ищет, где бы присосаться снова.

Проект ТВЖВ

И вот теперь кровь кончилась. Он остался один на один со своим

«Себя». И оно, это самое «Себя», оказалось не гранитной крепостью, а

картонной декорацией. За ней — пустота и страх. Страх, что без чужих

историй, без чужих эмоций, без чужой боли ему просто не о чем будет

писать. Не о чем будет жить.

Телефон на столе завибрировал. На экране высветилось: «НИДС».

Сердце ухнуло куда-то в желудок. Марк смотрел на его имя, и его

парализовало. Он звонил, чтобы устроить скандал из-за книги? Или, наоборот, чтобы сказать что-то хорошее? А может, ему просто нужна

была помощь? Впервые за долгие годы он не знал, чего хочет от этого

звонка. Он не мог просчитать его, не мог превратить в сюжет. Это был

просто звонок от человека, которого он предал.

Вибрация прекратилась. Экран погас. Тишина вернулась, но теперь

она была другой. Она звенела упущенной возможностью. Он медленно набрал сообщение. Пальцы дрожали.

«Нидс, привет. Прости, не мог ответить. Ты как?»

11

Проект ТВЖВ

Отправил. И замер, глядя на экран. Две галочки. Сообщение

доставлено. Ответа не было. Он сидел в оглушающей тишине, и впервые

в жизни количество букв в его исходящем сообщении показалось ему

важнее качества всех его рукописей. Он ждал. И это ожидание было

самым подлинным, что он написал за последние годы.

Минуты растягивались в липкую, вязкую вечность. Он обновил чат.

Снова. И снова. Ничего. Только эти две серые галочки, как глаза мертвой

рыбы. Он представил Нидса по ту сторону экрана. Тот увидел сообщение.

Может, усмехнулся. Может, покачал головой и отложил телефон. А

может, просто не заметил. Эта неизвестность была хуже любого скандала.

Она была вакуумом, в котором его собственное «Себя» сжималось до

размеров горошины.

Марк вдруг понял, что вся его внутренняя крепость, вся

его

философия «солдата» была построена на ответной реакции. На

сопротивлении мира, на обидах друзей, на их восхищении или зависти.

Он был бойцом, которому нужен был враг, реальный или вымышленный.

А сейчас врага не было. Был только молчащий телефон и пустота, которую он сам же и создал.

Пальцы снова потянулись к планшету. Он открыл пустой документ.

«Чистый лист», — подумал он с иронией. Еще час назад эти слова

звучали как манифест свободы. Теперь они казались приговором. Что он

напишет на этом листе? О чем? О величии одинокого творца? О войне с

безликим миром? Вся эта риторика рассыпалась в прах, столкнувшись с

одной-единственной неотвеченной эсэмэской.

Он начал печатать, но не рассказ. Он писал для себя, лихорадочно, пытаясь зафиксировать это новое, тошнотворное ощущение. Он писал о

человеке, который построил себе трон из чужих костей и обнаружил, что

сидеть на нем холодно и одиноко. Он писал о вампире,

который, высосав

всю кровь, вдруг понял, что сам состоит из нее, и теперь медленно

истаивает, превращаясь в ничто. Это была все та же графомания, тот же

водянистый текст, но впервые за долгое время он не чувствовал презрения

к написанному. Он чувствовал ужас узнавания.

Телефон снова завибрировал. Он вздрогнул, едва не уронив планшет.

На экране светилось то же имя. «НИДС». Но на этот раз это был не

звонок. Это было сообщение. Три коротких слова.

«Книгу прочел. Позвони».

Ни упрека, ни похвалы. Просто констатация факта и приказ. И в этой

лаконичности было больше власти, чем во всех его многословных

построениях. Нидс не сдуся. Он просто ждал. Ждал, когда его бывший

друг, его подопытный кролик, его вампир, наконец, доберется до дна

своей пустоты.

Марк смотрел на эти три слова. Позвонить. Это означало выйти из-за

картонных декораций и сделать шаг навстречу. Не за ма-

териалом, не за

сюжетом, а просто так. Потому что там, на другом конце провода, был живой человек. И этот человек, возможно, все еще считал его другом.

12

Проект ТВЖВ

Он закрыл документ на планшете, не сохранив. Впервые ему было не

жаль. Он взял телефон. Палец завис над кнопкой вызова. Количество

перешло в качество. Теперь нужно было сделать выбор: остаться

Писателем с большой буквы, запертым в своей крепости, или попытаться

снова стать человеком. Он нажал на кнопку. В трубке пошли длинные, тревожные гудки.

ПЕРИОД ПОЛУРАСПАДА

Пламя в камине нашего общего лофта жадно пожирало сухие

поленья. Когда-то мы разожгли его вместе. Я, Квоч и Нидс. Мы называли

его «очагом нашего гения». Звучало пафосно, но тогда, в самом начале, мы верили в каждое слово. Мы были творческим тандемом, триумвиратом, нерушимым союзом, который должен был перевернуть

мир. Или хотя бы наш маленький мир искусства.

Квоч был нашим двигателем. Бурлящий котел идей, он мог зажечься

от случайной фразы, от тени на стене, от мелодии из проежающей

машины. Он генерировал концепции с такой скоростью, что мы с Нидсом

едва успевали их ловить и облекать в форму. Нидс был руками и

структурой. Скульптор по натуре, он придавал идеям Квоча плоть и

кровь, выстраивал скелет, на который я уже набрасывал нервы и кожу –

слова, образы, смыслы. Я был связующим звеном, переводчиком с языка

гениального безумия на язык гармонии.

Первые месяцы были чистой магией. Мы работали сутками, спали по

очереди на старом диване, питались кофе и энтузиазмом. Проект

рождался, дышал, рос. Мы понимали друг друга без слов. Квоч бросал на

холст хаотичные мазки, Нидс превращал их в строгую композицию, а я

писал текст, который, казалось, всегда уже существовал где-то между

этими мазками и линиями. Система работала как швейцарские часы.

Идеально отлаженный механизм.

А потом что-то щелкнуло.

Я не могу точно сказать, когда это началось. Не было ни громкой

ссоры, ни предательства. Просто однажды утром воздух в лофте стал

другим. Густым, вязким, как будто из него откачали кислород. Квоч

принес новую идею, но в его глазах не было прежнего огня. Нидс

выслушал его, кивнул, но его руки, обычно такие уверенные, двигались

вяло, без вдохновения. Я попытался написать что-то, но слова казались

чужими, мертвыми.

Это было похоже на свободное падение. Система, наш идеально

работающий тандем, стремительно неслась к краху. Мы начали спорить

по мелочам: о цвете обложки, о порядке глав, о запятой в предложении.

Раньше эти споры рождали истину, теперь они рождали только глухое

раздражение. Мы смотрели друг на друга, но больше не

видели

единомышленников. Мы видели чужаков, говорящих на разных языках.

Первым сломался Квоч. Он просто перестал приходить. Сначала

ссылался на дела, потом на болезнь, а потом просто перестал отвечать на

13

ссылался на дела, потом на болезнь, а потом просто перестал отвечать на Проект ТВЖВ

звонки. Он был инициатором. Он, кто зажег этот огонь, первым же и

отвернулся от него. Я пытался понять: зачем? В чем смысл? Я писал ему

длинные сообщения, вызывая к логике, к нашей общей мечте. Ответом

была тишина. Система «Я – Квоч – Нидс» потеряла свой двигатель. Она

заглохла, но еще не развалилась.

Мы с Нидсом пытались тащить проект вдвоем. Какое-то время это

даже работало, но это было уже не творчество, а реанимация. Мы

пытались искусственно поддерживать жизнь в том, что уже было мертво.

Нидс становился все более молчаливым, замкнутым. На-

ши встречи

превратились в мучительные сеансы молчания, прерываемые редкими, бессмысленными фразами. Я чувствовал, как слабеет последняя нить, связывающая нас. Как мы отдаляемся, становясь двумя точками в разных вселенных.

И вот настал день, когда Нидс, не глядя мне в глаза, сказал: «Я, наверное, больше не могу. Это все... бессмысленно». Он тоже стал

инициатором. Он констатировал смерть.

Система рухнула окончательно.

Я сижу один в нашем лофте. Огонь в камине почти погас, остались

только тлеющие угли. Я смотрю на них и думаю о той невидимой

пружине. Той самой, что была внутри нашего союза. Она сработала, раскрутилась до конца и замерла. Ее задача была выполнена. Какой была

эта задача? Может, просто свести нас вместе на определенный срок? Дать

нам возможность создать что-то одно, а потом отпустить? Феномен.

Необъяснимый, вопреки здравому смыслу.

Я задаю себе вопросы, но ответчики сдали свои позиции. Они ушли

со сцены, оставив меня одного в пустом зале.

Можно, конечно, анализировать. Психология, выгорание, разные цели. Объяснить можно все. Но проку от этого не будет. Умерла – так умерла. Необратимость. Ходить вокруг этого тупа, нашего бывшего товарищества, – пустая трата времени и сил. Это все равно что пытаться согреться у потухшего камина.

История написана. Она останется в моей памяти, на страницах незаконченного проекта, в привкусе дешевого кофе и сигаретного дыма.

Но глава окончена.

Единственный выход из тупика – движение вперед.

Я встаю. Беру с вешалки свою куртку. Окидываю взглядом лофт, ставший склепом нашей дружбы. Пора собирать свои манатки и уходить от этой мертвечины. Уходить в новый поиск. Искать новые источники энергии, новые огни, у которых можно будет согреться.

Я не стану долго скорбеть. Диагноз поставлен. Болезнь неизлечима.

Судьба.

Я делаю первый шаг к двери.

Пошли? Да, я уже иду.

Пока-пока, Квоч. Пока-пока, Нидс. Всем участникам
прежнего союза

– пока.

НОВЫЙ
КРУГЛОСУТО

Дверь за моей спиной захлопывается, и звук эхом разносится по

опустевшему лофту. Впереди – неизвестность. И это лучше, чем

остывающий пепел прошлого.

Снаружи меня ошпаривает холодный ночной воздух. Он трезвит, прочищает легкие от застоявшейся пыли воспоминаний. Улица пуста, фонари выхватывают из темноты мокрый асфальт, отражающий их

безжизненный желтый свет. Я иду, не разбирая дороги, просто иду, чтобы

само движение стало лекарством. Шаг, еще шаг. Каждый удар ботинка об

асфальт – это точка, поставленная в конце предыдущего предложения

моей жизни.

В кармане вибрирует телефон. На секунду сердце екает – может, Нидс? Или, чем черт не шутит, Квоч? Глупая, иррациональная надежда, последний рефлекс умирающей системы. Достают. На экране светится

незнакомый номер. Я сбрасываю вызов. Сейчас я не хочу говорить ни с

кем. Особенно с призраками.

Мысли, которые я пытался запереть в лофте, догоняют меня, выются
вокруг, как назойливые мошки. Что же это была за пружина? Может, это
был просто срок годности? Как у молока или консервов. На этикетке
нашего союза было написано: «Годен до...», а мы, в эйфории творчества, просто не заметили дату. Или пружина – это амбиции? Вначале они были
общими, сплетенными в тугой канат, тянувший нас вверх. А потом канат
начал расплетаться на три отдельные нити, и каждая потянула в свою
сторону. Квоч захотел чистого, беспримесного искусства, полета, который
никто не будет приземлять. Нидс, наоборот, жаждал формы, признания, материального воплощения, которое можно потрогать и продать. А я?
Чего хотел я? Я хотел, чтобы система работала. Я был клеем, который
пытался удержать вместе два противоположных полюса. Но клей высох, и
полюса оттолкнулись друг от друга с неизбежной силой. Я останавливаюсь у витрины закрытого книжного магазина. В стекле
отражается моя фигура – одинокая, немного сутулая. Я

смотрю на свое

отражение и не узнаю в нем того парня, который три года назад с

горящими глазами втаскивал в лофт старый диван. Тот парень верил в

нерушимость союзов, в вечный огонь и общую мечту. Этот, в отражении, знает цену необратимости.

Ирония в том, что наш незаконченный проект был как раз об этом. О

связях между людьми, о том, как они возникают, крепнут и распадаются.

Мы изучали это явление как ученые, препарировали его, описывали. И в

итоге сами стали идеальным подопытным материалом для собственной

теории. Мы написали книгу своей кровью, только вот финал оказался не

таким, как мы задумывали. Финал оказался разбросанными по полу

страницами и тремя авторами, которые больше никогда не соберутся

вместе для редакции.

Я иду дальше, сворачиваю в тихий переулок. Внезапно я понимаю, что не чувствую ни злости, ни обиды. Только пустоту и странную, холодную легкость. Словно с плеч свалился тяжелый рюкзак, который я

ташил так долго, что уже сросся с ним. Рюкзак, набитый чужими ожиданиями, угасающим энтузиазмом и ответственностью за то, что уже нельзя было спасти.

Может, Квоч и Нидс, инициировав разрыв, оказали мне услугу? Они первыми почувствовали трупный запах и просто вышли из комнаты, не желая дышать миазмами. А я, по своей привычке все склеивать и чинить, оставался до последнего, пытаюсь сделать мертвому искусственное дыхание. Они были честнее. Жестоко, но честно.

Впереди за поворотом виднеется неоновая вывеска круглосуточного бара. «Новый рассвет». Какое издевательское название. Или, наоборот, пророческое? Я толкаю тяжелую дверь и захожу внутрь. Заказываю у сонного бармена что-то крепкое. Первый глоток обжигает горло, но приносит странное успокоение. Я здесь один. Никто не ждет от меня идей, текстов, компромиссов. Система «Я» снова работает в автономном режиме. Перезагрузка.

Проект ТВЖВ

Я достаю телефон и нахожу в заметках файл с названием «Проект».

Секунду колеблюсь, палец зависает над иконкой «Удалить». Стереть все.

Очистить память. Но нет. Это тоже было бы бегством. История написана, и вырывать из нее страницы – глупо. Я переименовываю файл. Теперь он называется «Эпитафия».

Допив свой стакан, я выхожу из бара. Небо на востоке начинает едва

заметно светлеть. Новый рассвет, чтоб его. Я вдыхаю полной грудью.

Воздух все еще холодный, но в нем уже нет запаха пепла. В нем есть что-то другое. Что-то новое.

Я не знаю, куда пойду сейчас. Но я точно знаю, что иду вперед.

Пружина внутри меня, моя собственная, только начинает сжиматься для нового прыжка.

МЕРЦАНИЕ

Алексей всегда считал себя человеком логики. Мир для него был

набором алгоритмов, пусть и бесконечно сложных. Код, который можно

взломать, если найти нужную уязвимость. И он её нашёл.

Совершенно
случайно.

Всё началось с проекта по оптимизации видеопотока для
новой

стриминговой платформы. Алексей писал нейросеть, ко-
торая должна

была сжимать видео без потери качества, анализируя и от-
секая «лишние»

пиксели, незаметные человеческому глазу. Ночью, отла-
живая очередной

баг, он запустил свой алгоритм на случайной записи с
уличной камеры

наблюдения. И замер.

На экране, среди серой толпы, спешащей по своим делам,
несколько

фигур мерцали. Не как помехи, а как... сбой рендеринга
в плохой

видеоигре. Их контуры на доли секунды распадались на
зелёноватую

цифровую рябь, а потом снова собирались в привычные
человеческие

образы. Алексей протёр глаза, перезапустил скрипт. Эф-
фект повторился.

Он прогнал через свою программу записи теледебатов.
Политики, крупные бизнесмены, медийные лица — многие
из них «мерцали».

Особенно в моменты сильных эмоций или резких движений. Словно их человеческая оболочка, их «скин», с трудом поспевал за истинной сущностью.

Мир рухнул в одночасье. Теории заговора, которые он всегда считал бредом для сумасшедших, обрели пугающую, пиксельную плоть.

Рептилоиды. Он смеялся над этим словом. Теперь оно застряло в горле ледяным комком. Они здесь. Они правят. Они носят человеческие лица, как маски.

Но самый страшный удар ждал его дома.

Лена встретила его в прихожей. Её улыбка, всегда казавшаяся ему солнцем, теперь выглядела натянутой, выверенной. Её объятия, в которых он тонул, ощущались как захват. Он смотрел на неё и видел только код.

Идеальный, без единого сбоя.

— Лёш, ты чего такой? — её голос, бархатный и родной, прозвучал

17

— Лёш, ты чего такой? — её голос, бархатный и родной, прозвучал Проект ТВЖВ

фальшиво. — Случилось что-то на работе?

Он пробормотал что-то про усталость и прошёл на кухню.

Его руки

дрожали. Он налил себе воды, стараясь не смотреть на неё. Но боковым

зрением он видел её движения — плавные, хищные, неестественно

грациозные.

Ночью он не спал. Лежал рядом, чувствуя её ровное, размеренное

дыхание, и думал. Три года. Три года они были вместе. Неужели всё это

было ложью? Каждое слово, каждый поцелуй, каждый взгляд — всё это

было частью маскарада?

Он

вспомнил

их

первую

встречу.

Конференция

по

кибербезопасности. Она подошла к нему сама, задала какой-то умный

вопрос про его доклад. Он был очарован её интеллектом, её красотой, её

странными, завораживающими глазами с вертикальными зрачками, которые он списывал на необычные линзы. Господи, какой же он был идиот.

Под утро, когда серый рассвет едва пробивался сквозь шторы, он решился. Тихо встал, взял с рабочего стола старенькую веб-камеру и подключил её к ноутбуку. Направил объектив на спящую Лену и запустил свой скрипт.

Экран ноутбука ожил. Изображение Лены было стабильным.

Никакого мерцания. Алексей почувствовал укол стыда. Может, он сходит с ума? Паранойя?

И тут она во сне пошевелилась. Резко дёрнула плечом, и на одну сотую секунды её лицо исказилось. Программа поймала этот момент.

Идеально гладкая кожа на её щеке на миг покрылась мелкой зелёной чешуёй. Глаз, скрытый веком, на долю секунды стал огромным, жёлтым, с вертикальным зрачком.

Алексей отшатнулся от экрана, едва не вскрикнув. Это

было

доказательство. Холодное, неопровержимое.

В этот момент Лена открыла глаза. Но это были не её глаза. Не глаза

той девушки, которую он любил. Это были древние, холодные, нечеловеческие глаза, полные безразличного знания. Она смотрела не на

него, а сквозь него.

— Ты всё испортил, Алексей, — её голос был ровным, без тени

эмоций. Это был уже не голос Лены. — Такой хороший алгоритм. Мы

собирались его купить.

Она медленно села на кровати. Её человеческая оболочка начала

мерцать всё сильнее, как плохая голограмма. Сквозь кожу проступали

контуры высокого, тонкого существа.

— Кто... кто вы? — прошептал он, пятясь к двери.

— Мы — порядок. Мы — пастухи. А вы — наше беспокойное, саморазрушительное стадо, — существо, которое было Леной, склонило

голову набок. Движение было птичьим, хищным. — Ты заглянул за

кулисы, программист. Таких, как ты, убирают. Но ты был... интересен.

Твои эмоции, твоя привязанность. Это было любопытно изучать.

Проект ТВЖВ

Она встала с кровати. Её «скин» почти полностью осыпался, обнажая серо-зелёную чешуйчатую кожу. Длинные пальцы с когтями. Безгубый рот.

— Что тебе было нужно от меня? — в голосе Алексея звенел ужас и разбитое сердце.

— Данные. Ты — аномалия. Твой мозг работает иначе. Мы хотели

понять как. И почти поняли. А ещё... — она сделала шаг к нему, и её

истинное лицо на миг исказилось чем-то похожим на сожаление. — Мне

было с тобой хорошо, Лёша. По-своему. Это тоже ценные данные.

Алексей понял, что дверь заперта. Он был в ловушке. В ловушке с

существом, которое три года притворялось его любовью. Его мир, построенный на логике и коде, рассыпался в прах. Остался только

первобытный страх и один-единственный, последний вопрос, который он

успел задать, прежде чем она прыгнула:

— Это всё... было неправдой?

Ответом ему было лишь холодное мерцание её нечеловеческих глаз.

19

Проект ТВЖВ

Ответом ему было лишь холодное мерцание её нечеловеческих глаз.

Прыжок был молниеносным, нечеловечески быстрым. Алексей

инстинктивно вскинул перед собой ноутбук — единственное, что было в

руках. Удар пришёлся по экрану. Раздался треск пластика и хруст

матрицы. Существо, бывшее Леной, отшатнулось, на миг ослеплённое

вспышкой короткого замыкания. Это дало ему секунду.

Он не думал. Тело действовало само. Рывок в сторону, к окну. Рука

нащупала тяжёлую настольную лампу с мраморным основанием. Он

развернулся, замахнувшись. Существо уже оправилось, его длинные

конечности собирались в новую пружину для атаки. Алексей швырнул

лампу. Она попала твари в плечо. Раздался сухой, щёлкающий звук, и

существо с шипением повалилось на бок, его рука неесте-

ственно

вывернулась.

Алексей бросился к двери. Замок. Ключ в замке. Он судорожно

повернул его дважды, вырвал из скважины и выскочил в коридор, захлопнув за собой дверь. Из-за неё донёсся яростный, неземной визг.

Босиком, в одной футболке и пижамных штанах, он нёсся по

лестнице вниз. Третий этаж, второй, первый... Он не стал вызывать лифт, не стал даже думать о том, чтобы схватить ключи от машины. Его мозг, привыкший к алгоритмам, сейчас работал на простейшей программе:

«Беги».

Вылетев на улицу, в промозглый предрассветный воздух, он на

мгновение замер. Куда? Куда бежать, когда весь мир — их сцена, а люди

— лишь массовка? Он огляделся. Дворник в оранжевом жилете мёл

тротуар. Ранний прохожий выгуливал собаку. Они «мерцали»? Он не знал.

У него больше не было его программы, его «детектора лжи».

Из подъезда донёсся звук выбиваемой двери.

Алексей рванул через дорогу, едва не попав под колёса

сонной

службы доставки. Он бежал по улицам, которые ещё вчера казались ему
родными и безопасными. Теперь каждый взгляд прохожего казался ему

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.